

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1991 ГОДА ПО ИЗУЧЕНИЮ СЕЛ ПАВЛОВСКОГО РАЙОНА

Т. К. ЩЕГЛОВА

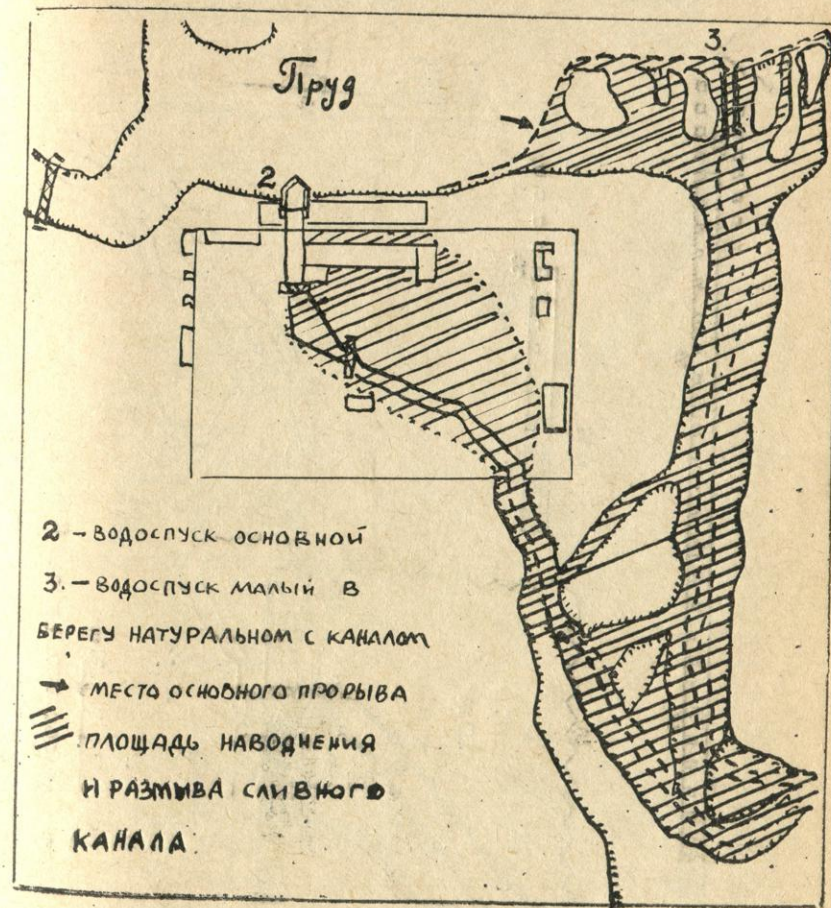
Научное и практическое значение изучения исчезнувших и
малых сел Павловского района
(по материалам экспедиции 1991 года)

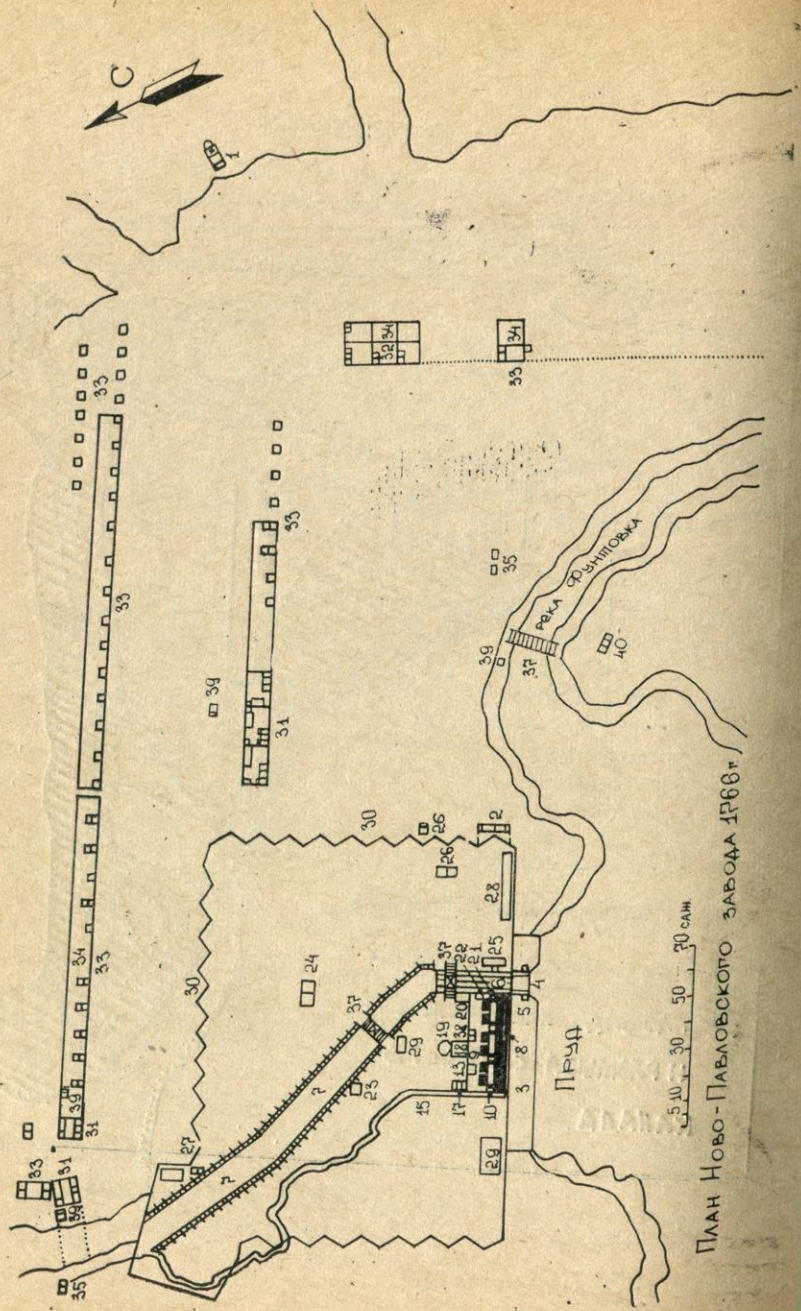
Алтай на протяжении двух столетий являлся аграрным краем, славился хорошим хлебом и потомственными крестьянами. Источниками благосостояния являлись трудовые традиции и многочисленные деревни, в которых проживала основная часть производительного населения. На протяжении последних десятилетий происходило интенсивное раскрестьянивание. Исчезли тысячи сел и деревень. Если в 1926 г. насчитывалось 5800 населенных пунктов, то в 1991—1991. Вместе с гибелью деревень теряется больше чем трудовые коллективы теряется значительная часть истории: деревенская самобытная культура, народная мудрость, память о тех поколениях, чьим трудом и жизнью писалась летопись страны. Долг историков, краеведов, любителей старины записать и сохранить память о людях и селах, существовавших на нашей земле.

С 8 по 28 июля на территории Павловского района работа историко-этнографической экспедиции студентов и преподавателей исторического факультета Барнаульского пединститута по теме «Изучение исчезнувших и малых сел района». Задача состояла в следующем:

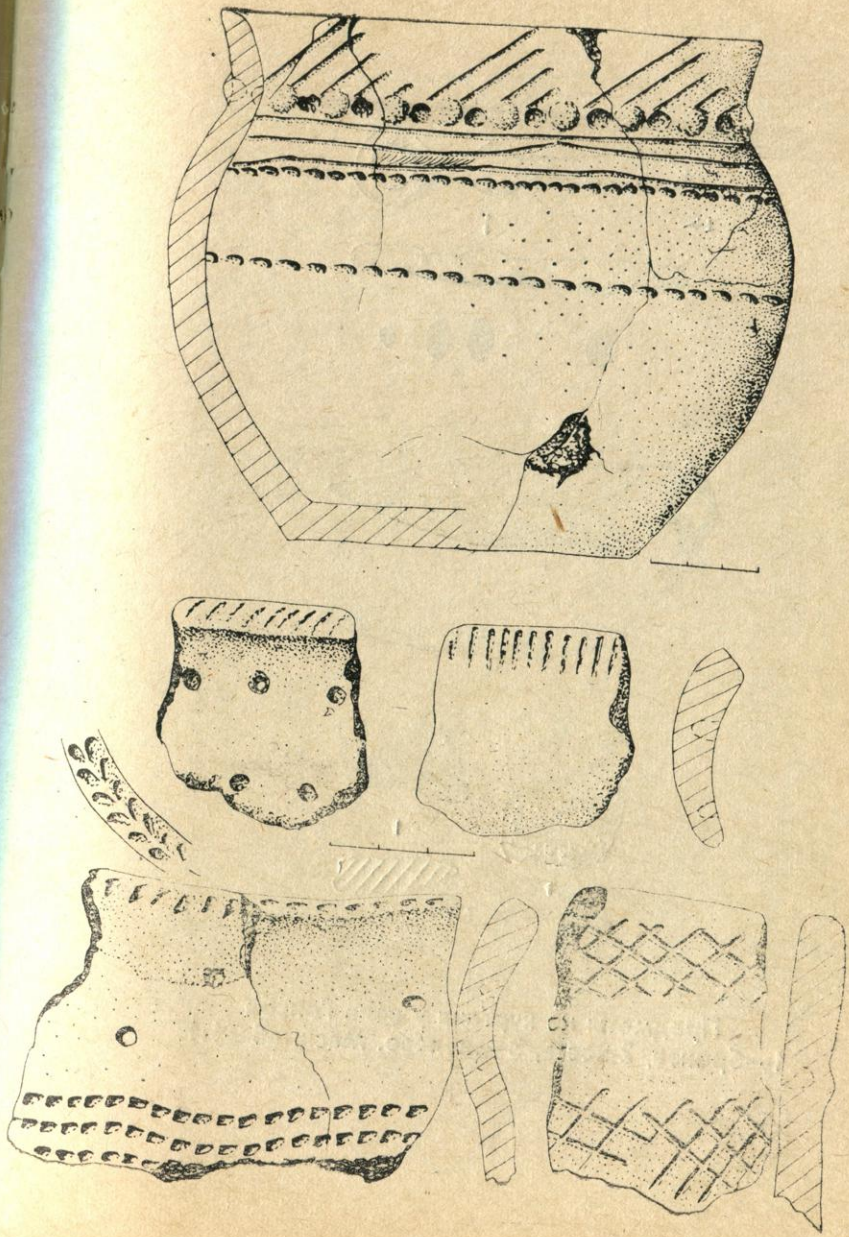
1. Установить количество исчезнувших и малых сел на территориях 15 сельских советов. Оформить карту.
2. Провести интервьюирование бывших жителей исчезнувших сел, записать их рассказы и оформить как исторический источник.
3. Собрать материал о материальной и духовной культуре крестьянства, нравственных традициях крестьянской семьи, изучить народные оценки переломных исторических событий.
4. Посетить места исчезнувших сел, зафиксировать их точное местоположение, застройку и планировку, изучить материальные остатки.

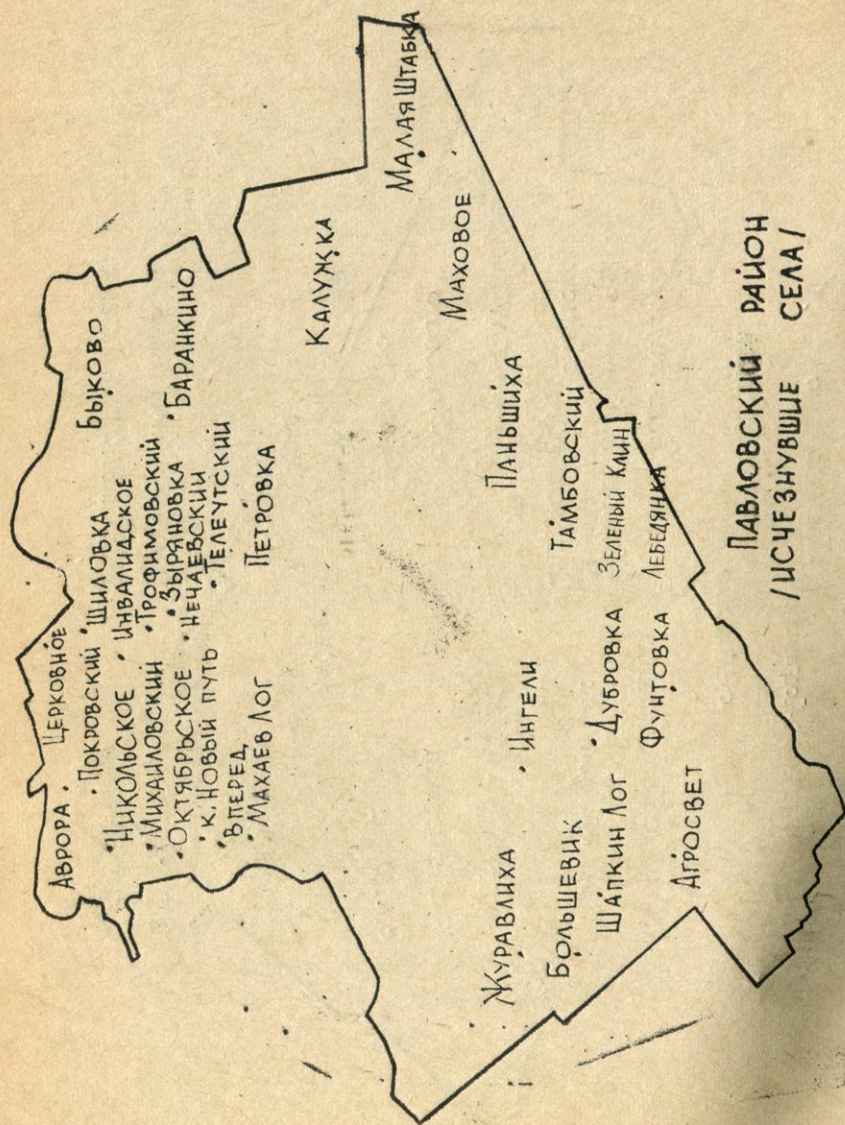
За эти три недели поисковые группы численностью 3-4 человека посетили все села и записали 75 воспоминаний. По нашим подсчетам с карты Павловского района исчезло не ме-

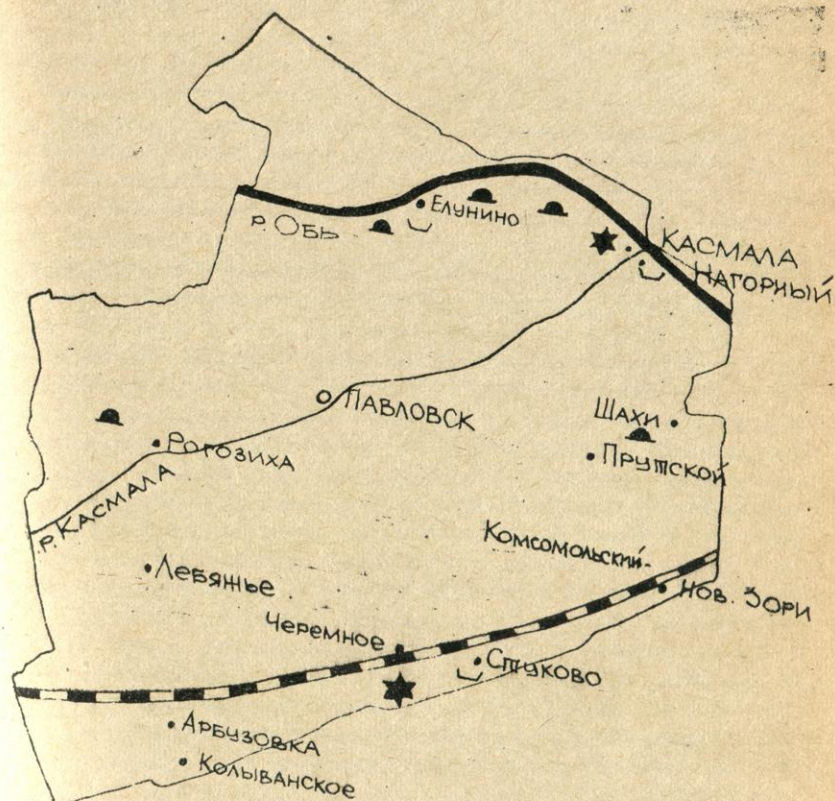

ПЛАН НОВО-ПАВЛОВСКОГО ЗАВОДА 1968 г.

ПАВЛОВСКИЙ РАЙОН / ИСЧЕЗНУВШИЕ СЕЛА /

Археологические памятники Павловского района
(карта-схема)

нее 30 сел. Такого размаха трагедии в районе не осознают. Первые наши встречи с администрацией и местными жителями показали обидное незнание истории родных мест. Главными нашими информаторами выступали старые люди 1900-1920-х гг. рождения. К сожалению их становится все меньше. И с их уходом бесследно исчезает память о селах и людях в них живших, о трагических и светлых страницах истории этих сел.

На территории сельсовета Новые Зори погибли с. Моховое (остался 1 дом), Малая Штабка (осталось 2 семьи); Лебяжинский с/с—с. Дубровка, Фунтовка, Агросвет; Стуковский с/с—с. Панышиха; Прутской с/с—Харьково (4 семьи), Лога, Абакша, Калужка; Черемновский с/с—с. Зеленый Клин, Лебедянка; Бурановский с/с—с. Журавлиха, Большевик, от Шапкина Лога осталась одна Партизанская улица; Елунинский с/с—с. Телеутское, Зыряновка, Тиховское, Нечаевка, Шиловка, Церковное, Инвалидское, Ирба; Павловского с/с—с. Ингели, Аврора, Гортоп, Новый путь, Махаев Лог, Никольское, Покровское, Октябрьское; Чернопятковского с/с—с. Петровка, Баранкино, Быково, Российка, Чаячье (Трофимский). В этом списке нет ряда сел, жителей которых члены экспедиции не нашли: с. Вперед, Михайловский, Звезда, Париж, Свободная жизнь, Трудовая, артель, Тихая жизнь, Пролетарский, Сросты, Брониславский, Александровский, Букреевка, Петропавловский, Веселовский (Эти села проходят по переписи 1926 г.). На грани исчезновения находятся старейшие села Алтая—Касмала и Черемно-Подгорное (основаны во 2-й четверти XVIII века). В перспективе они могут перейти в категорию дачных поселков, как Харьков, Лога ит. д.. Этому способствует близость г. Барнаула. В этих селах при 10-15 домов, оставшихся от больших поселений, появилось несколько новостроек—дачные дома горожан. Поэтому односельчане считают, что село совсем не умрет. Дачники вдохнули вторую жизнь. Но вместе с тем они оценивают дачников как «всякий сброд», случайных, сезонных людей, отмечают их не крестьянское производственное отношение к деревне, а городское потребительское. Вторая особенность свидетельствующая о продолжающемся процессе разрушения сел Павловского района состоит в том, что во всех селах большую часть населения составляют пенсионеры. Их дети уехали в город, изредка приезжают проводить родителей или используют дом в деревне, как место отдыха, дачу или подсобное хозяйство: привозят старикам на выращивание инкубаторских цыплят, утят, гусей, маленьких поросят, садят

плодоваягодные саженцы. Коров в этих домах не держат, т. к. старикам не под силу. Поэтому, если домов в деревне много, это не значит, что деревня процветает. Под значительным числом крыш доживают свой век старики глубокого пенсионного возраста.

Наш интерес к исчезнувшим селам не оставлял сельчан равнодушными. Часто нам задавали вопрос: почему заинтересовались нашей Петровкой, Зеленым Клином? Эти вопросы несли в себе не праздный интерес. Многие напрямую спрашивали: думаете возрождать то или иное село? Большинство старожилов с болью говорили, что вернулись бы назад, если бы село возрождали. По их воспоминаниям родное село было лучше всех: красивее, богаче, добрее и т. д.. Узнав о нашей цели —изучить и сохранить память о селах—разочаровывались. В общем они одобряли затею: записать рассказы о селах, но как истинные крестьяне не видели в этом практического применения. Но мы уверены, что тот исторический материал, который мы собрали понадобится практикам, экономистам, хозяйственникам.

В развитии сел Павловского района в советское время наиболее благоприятными были 20-е годы—период свободного землепользования. За это время образовалось около 2-х десятков сел: Покровка, Петровка, Зыряновка, Зеленый Клин, Паньшиха, Трофимовка, Никольское и др.. Из сел которые были образованы в те годы до наших дней сохранилось только Нагорное. Р. Ф. Клещева рассказывала об его основании так: «С. Баранкино образовалось как выселок из Касмалы, а из Баранкино переселились в Нагорное. Когда пашни стало мало, стали выселяться на гору, например, Ванька Саламатин.» Образование новых сел шло традиционными крестьянскими способами освоения новых территорий. Обычно новое село возникало на месте заимки крепкого крестьянства. Так возникло с. Зыряновка. К. М. Пахорукова вспоминала: «У нас в Талеутской был мужик. Прозвали его Зыряном. Выделывал кожи, овчины. Звали его Шилов Тимофей Григорьевич. Крепкий был, оборотистый. Сначала он жил на месте Зыряновки, а держал за р. Обью коров. Ездили доить на лодках. Там приволье для скота. Иногда оставались там ночевать. Потом надоело ездить, стали селиться. Летом держали там скот, а на зиму уезжали. Когда мы с мужем после свадьбы приехали, там было около пяти домов. Потом стали наезжать молодые из Талеутской, Петровки. Ловили лес из реки, ставили дома. Некото-

рые жили в землянках». Капитолина Матвеевна помнит и основание Петровки. «Петровка—это выселок из Касмалы. Деревня была длинная. Посредине проходил лог. В нем накапливался и по весне таял снег—бежала вода. Сделали плотину на конях возили землю, мусор. Вода стояла до зимы. Там коней поили. Дома стояли по ту и по другую сторону лога. Потом стали все копать колодцы. Копали вручную до 80 аршин вглубь (1 аршин—71 см. Колодец, по-видимому, доходил до 60 м). Людей спускали на веревках. Отец дом перевез из Касмалы на четырех конях в один день. Отец сам делал телеги и конную упряжь»

Особый интерес представляет обращение к крестьянскому опыту единоличного хозяйства по возделыванию земли, посева, уборки, переработки, хранения зерновых, овощей, способам содержания скота, серетам крестьянского ремесла и кустарного производства. Одной из причин сельскохозяйственного кризиса в наши дни видится в потере бытовавших в каждом селе производственных и трудовых традиций. Крестьянский труд индивидуален. Успех хозяйствования на конкретном поле зависит от знания данной земли, ветра, климата и т. п.. В этом деле не было мелочей. Конкретный опыт эксплуатации конкретного поля может найти применение в современном сельском хозяйстве. И если верить политикам и экономистам, предсказывающим возрождение русской деревни через фермерство и аренду, то лучших мест, чем места бывших сел не найти. Можно надеяться, что если не сейчас, то через десятилетия люди воспользуются картой исчезнувших сел и зафиксированным опытом хозяйствования в них. Например, с помощью старожилов можно восстановить места великолепных бахчей на территории Павловского района, которые продавались за пределы района и края, развитие рыбного, шорного, дегтярного и других промыслов, умелое сочетание скотоводства, пчеловодства и земледелия на заливных лугах на правом берегу реки Оби. Этот материал содержится в рассказах жителей исчезнувших сел. Крестьянское хозяйство было комплексным: успешно выращивали злаковые и технические культуры, мак, табак, овощи. Знали где, что и как лучше сажать, как ухаживать и когда убирать. Труд крестьянина был оплодотворен опытом предшествующих поколений: «Когда не было колхозов, у нас была своя жнейка, 3 амбара. Имели 4 лошади, 4 коровы и 4 детей: 2 сестры и 2 брата. У отца хлеба был полный амбар. Амбар был большой: в центре пролет и

по обе стороны по три сусека, забиты хлебом. Хлеб в амбаре был большой, как бобы. В другом амбаре в сусеки овес засыпали. Жили дружно. Покос и землю веревкой делили. Каждый имел свою пашню и скот. Молодняка было много. Овцы ходили свободно. Отец поехал под Подгорное и купил 5 га целины а свою землю оставили. Сено на ней косили. Трава хоть чай заваривай.» (К. М. Пахорукова). А. И. Арзамасцева из села Черемное многое помнит из богатого опыта односельчан по выращиванию табака: «Табачные поля начинались сразу за Солоновкой. Табачную рассаду старушки садили в рассаднике. Следили за ростом. Табак до морозов надо было убрать, а то ударит мороз, табак плохой. Табак вязали пучками и весили сушить в ригу до тех пор пока не станет осыпаться.»

Старожилы отмечают, что в единоличном хозяйстве возможности крестьян были шире: «Выращивали хлеб, просо, гречиху, чечевицу и горох. Чечевица подвид гороха, а ее мололи, как муку и варили кисель. Имели большие огороды—дома много садили. Тыкву выращивали. Вот сейчас отменили коноплю, а коноплянное масло лучше подсолнечного в 100 раз» Образно определила Р. Ф. Клещева из Касмалы потенциальные силы крестьянского хозяйства в 20-е годы: «В 20-е годы крестьянам земли отводили и нарезали каждой семье. У нас поля аж под Шахами были в 12-ти км. И по другую сторону дали к Петровке... Хлеб сеяли, мак сеяли, пироги пекли, коноплю на масло давили (раньше-то старые постились, так ели льняное, маковое, коноплянное масло). А готовили масло на сбоках, ездили в Рогозиху на коровах. Семечки возили рушить в Павловск. Гречиху сеяли. Только картошки мало садили. А ныне картошка всех замучила: и скоту и себе. Дыни хорошие были... Сами держали пчел. Сейчас как-то не идут. Враз гибнут. Сейчас и растения не растут. Раньше в землю сунешь и как на опаре.» Совершенно потерял в наши дни опыт и навыки крестьянских промыслов. Например в с. Касмале, по словам К. М. Пахоруковой «телеги все для себя сами делали. Отец сам телеги делал и конную упряжь. Вон говорят Речкунов поехал—колесо плавает! У него был верстак: высокая чурка—лесина с дырой. Туда спускали корни березы, из них делали колеса. Раньше березы не рубили, а сейчас, когда линию вели—столько берез выкорчивали и корни побросали, погнили, а раньше такие колеса мы бы сделали.»

В памяти людей 20-е годы остались как благодатные. Народная оценка основана на сопоставлении предыдущего периода

(до 20-х гг.) и последующего (после 30-х). Самым важным и их жизни было то, что каждый мог взять земли столько—сколько ему по силам было обработать, свободно переезжать (в отличие от царского времени, когда они были зависимы от общины и 30-60-х годов, когда их прикрепили к колхозам) и свобода занятий—самостоятельно работай, производи и продавай. Можно предположить, что дальнейшее воплощение новой экономической политики имело большие потенциальные возможности в развитии сельского хозяйства и становлении крестьянского двора.

Разрушение сел Павловского района началось с 30-х годов и прошло ряд этапов, обусловленных очередной всесоюзной кампанией по переустройству деревни: 30-е годы—коллективизация и свертывание единоличного хозяйства, 50-годы—укрупнение колхозов, 60—80-е годы—ликвидация неперспективных сел. Объективными причинами являлись подъем промышленности в 30—70-е годы, вызвавший большой спрос на рабочую силу и потери мужского населения в годы Великой Отечественной войны. Но первопричиной является замена индивидуального предпринимательского хозяйствования на земле коллективным трудом и администрированием. В рассказах крестьян четко выделяются два периода в жизни села: до коллективизации и после. Меньше крестьяне вспоминают процесс ликвидации хуторского хозяйства и сселение заимок и хуторов в период передачи всей земли колхозам, но никто в своих рассказах не обходит вопросы организации колхозов и последующего за этим раскулачивания. Нам не удалось найти ни одной семьи, которая бы не пострадала сама или ее родственники. В каждом документе содержится подробный рассказ об односельчанах, подвергнутых репрессиям. Они похожи по содержанию. Например, образно оценила раскулачивание М. Т. Ильина из с. Фунтовки: «В селе жили трудненькие—трудился с утра до вечера. Потом за их труд и раскулачили.» «В Петровке вообще зажиточные жили... А потом как стали кулачить—все полетели». С коллективизацией и раскулачиванием старожилы связывают гибель ряда сел. Так с. Тиховское до колхозов было больше деревней. Во время колхозов стала распадаться. Семьи пошли в колхоз, скот тоже сдали туда. Кормиться стало трудно, и население стало уезжать в Елунино». Подчеркивают негативную роль раскулачивания в потере мужского и женского населения деревни и бесчеловечные методы: «твердые задания в 30-е годы были. Снимают людей и не знаем куда увозят и за что.» В итоге к 1939 г. на территории

Павловского района были ликвидированы многочисленные малодворные поселения—хутора, заимки, мельницы, пасеки; подворны силы молодых поселений, возникших в 20-е годы, т. к. их образовывали крепкие дворы, попавшие в категорию кулаков.

Хотелось бы на примере воспоминаний очевидцев раскулачивания показать сложность исторического пути деревни в советское время и обратить внимание на большое значение сбора воспоминаний. Много споров в публицистике и исторической литературе ведется вокруг понятия «кулак». Политизирование истории ведет к формированию крайних оценок от представления кулака как «мироеда», «хищника», «эксплуататора», до идеализации кулака. Воспоминания старожилов района показывают, что объективная оценка не может быть категоричной и однозначной (в отличие от методов раскулачивания), а исторический процесс нельзя вставить в упрощенную схему. Жительница с. Черемное А. И. Арзамасцева рассказывала: «По одну сторону (с. Солоновка) жили богатые, по другую не очень. Богатые брали землю получше, нам похуже давали. У богатых были молотилки, лобогрейки, много скотины. Мы к ним ходили просить, а они нас работать заставляли. Не дай бог такая жизнь вернется! Все руки в работе обдереш — получишь 20 коп. и рад. Мы у богатых хлеб пололи, убирали, молотили, батрачили на них. Вон по радио слышим как Ленин обвиняют. Обвиняет тот, кто не жил при этой жизни. Я работала у Кобзева Андрея, Межева Егора. Сено стожили—чуть хребет не сломался.»

Иная оценка Р. Ф. Клещевой из Касмалы также сформировалась из жизненного опыта: «До войны дома имели большие и круглые. В 30-е годы много кулачили. А кого кулачили? Кто работал. Работающие мужики. Приезжали, забирали и дома пустые оставляли. Вон Павел Прокопьевич Черепанов—рядом с нами жил—дом круглый имел (признак зажиточности). Утром мы встали, господи, смотрим—дом нараспашку—все вещи остались. А самих нет. Угнали. Сослали в Нарым, где ничего не было. А он кулаком и в Нарыме заделался. Работал. По-видимому обе оценки верны, т. к. они вынесены из личной прожитой жизни и требуют тщательного и беспристрастного исторического анализа. Вместе с тем следует подчеркнуть необходимость сбора народных оценок исторических событий советского периода. В современных архивах, к сожалению, отделились документы тенденциозного характера. Например, со-

даны богатые фонды воспоминаний красных партизан и совершенно отсутствуют свидетельства другой стороны, у которых была своя правда. Собранные рассказы павловчан о гражданской войне дают разные оценки и красному и белому движению кулакам и активным комбедов. Произошло удивительное дело—в эпоху письменности целый исторический отрезок времени выпал из истории. Современным исследователям на основе односторонних документов трудно прийти к объективности. И такое наследство остается нашим потомкам, которые будут жить спустя сто и двести лет после нас.

Большой урон малодворным селам нанесла Великая Отечественная война. Она «обезмужела» деревню, лишила ее рабочей силы. С. Я. Путинцев рассказывал, что с. Зырянка до войны насчитывала до 50 дворов. В войну из редкого двора не брали: у Реутовых—3, Коткиных—3, Путинцевых—2, Коробовых—2, Никитиных—3 и т. д. На фронте погибли почти все мужики. За годы войны поселок меньше стал. На фронте погибли «почти все мужики из Фунтовки». И так в каждом селе.

Миграции из сел Павловского района способствовало крайне низкое материальное положение колхозников в 30—50-е годы. С. Я. Путинцев рассказал «Тогда ничего не зарабатывали. Трудней то на 1000. А выдавать нечем. Пока можно было частники держали хозяйство. А потом стали притеснять. Хлеб косить не давали. Налогами давили: 40 кг мяса, 200 штук яиц, 200 л. молока, все шкуры: овчины, скотские и свиные. Я был на фронте. К нам пришли—сдавай налог и все тут, если нет—корову заберем. А жена говорит—у меня 5 детей, чем кормить буду? Если у вас есть власть—берите на веревочку и ведите, а я сама не поведу. По словам К. Г. Путинцевой из с. Елунино: «Работали за трудорни, ничего вообще не давали в первые годы, кроме овсяного хлеба на день. Порою питались травой, ягодами. Держали 1 корову. Больше не разрешали. Да и то на нее давали план литров 400 на лето, доводили план по мясу, если не сдавали—судили. После войны, выплату на трудодень добавили, но спустя лет 5-6. Трудные годы были, все в магазинах было, а купить не на что.» В этих воспоминаниях отразилась безысходность колхозной жизни (колхозникам не давали паспортов, чтобы сохранить рабочую силу на селе) и диктат власти—работа за палочки с возможным расчетом после уборки и реализации урожая, грубое регулирование размеров подсобного хозяйства. Фактически, труд колхозников был неоплачиваемый, а высокие налоги на собственное хозяй-

ство привели к полуголодному существованию. «Работали в колхозе за палочки—вспоминает Р. Ф. Клещева—Одна палочка 1 руб. 20 коп., 1 руб. 50 коп. Позже 5 коп. Заработала, например, 300 палочек. Потом деньги подсчитывали и вычитали за питание в столовой, за пастьбу скота, за садик и за шерсть, что колхоз давал. Другой раз за деньги распишешься и должен останешься. Жили только за счет огорода. Что посадишь то и поешь».

Н вместо финансовой и экономической поддержки разоренных коллективизацией, войной колхозной жизнью сел и деревень был найден более «дешевый» способ решения социально-бытовых и экономических проблем: укрупнить колхозы и сосредоточить рабочую силу и технику на центральных усадьбах за счет ликвидации малых сел. Воплощение политики укрупнения сел в 50-е годы и ликвидация неперспективных сел в 60—70-е гг. привело к массовой гибели сел района и не только малодворных. Удар был нанесен по старинным и большим селам: Касмалё, Черемно-Подгорному, Харьково, Фунтовке, Дубровке и др. Развернувшаяся компания, имевшая благие намерения—переселить людей на центральные усадьбы и создать там благоприятные бытовые условия для жизни людей и закрепить людей на селе в связи с усиливающей миграции после выдачи паспортов, привела к противоположным результатам: резкому уменьшению сельского населения и непроизводительному использованию сельскохозяйственных угодий исчезнувших сел. Так, до 50-х годов на правом берегу Оби было около 1,5 десятка сел: Зыряновка, Нечаевка, Шиловка и др. Это были животноводческие отделения колхозов. Очень удобные для развития скотоводства земли: заливные луга, богатые покосы, ягодные места, (старожилы говорили: скот свободно гулял, отъедался). В том, что крестьяне когда-то имели заимки а полях, пастбищах, пасаках был большой смысл: экономили силы, средства, труд. Все эти села были укрупнены с селами на левом берегу: Елунино, Боровиково, где все земли распаханы, нет пастбищ. Каждую весну на пароме через р. Обь перевозятся гурты скота и молодняка. Каждый день утром и вечером паром везет доярок туда и обратно. Каждый день во время сенокоса перевозится техника и рабочая сила.

Рассказы людей несут боль и тоску за разоренные села. Многие старожилы плакали, рассказывая о своих селах и великом переселении, Ф. Ф. Новокрещенова из села с. Зеленый Клин вспоминает: «Там хорошо было. Сроду думали оттуда не

уедем. Жалко.» Тяжело слушать рассказы о том, как людей вынуждали покидать нажитые места. Можно привести отрывок из рассказа А. Д. Качаринской-Веселкиной из Черемное о том же Зеленом Клине «Стало исчезать, потому что не стало работы. Потому что угнали скот в Солоновку, убрали школу, магазин. Стали укрупнять в 1963, а в 1968—69 гг. начался массовый отъезд. Мы увезли свой дом в 1970 г. Работы в последнее время не было, все работали на свекле. У кого дети подрастали—уезжали—детей надо было растить.»

Анализ воспоминаний позволяет сделать вывод, что несмотря на провозглашенный принцип добровольности укрепление колхозов и ликвидация неперспективных сел велись чисто командно-административными методами, без научного прогнозирования и перспективной оценки развития населенных пунктов, без учета настроения местного населения. В результате повсеместно начался процесс принудительно-добровольного переселения из сел попавших в разряд неперспективных. Местные партийные и хозяйственные органы использовали не только методы разъяснения, но и открытого давления, создавали условия для вынужденной миграции населения (лишали населения работы в селе, закрывали школы, здравпункты, клубы). Для объективности надо отметить, что мы встречали среди бывших руководителей хозяйств таких, кто критически относится к происходящему, но им не давали право выбора. Время было такое. Среди них П. И. Дулепин, «А разорил Петровку я. Жалко было. Местность хорошая, но воды не было. Сейчас бы современной техникой дали воду. Начали укрупнять в 1954 г. Казусов не было, люди спокойно отнеслись. Колхоз помогал перевозить дома. Необходимо было сконцентрировать на центральной усадьбе и технику и школу, чтобы людям было удобно. Мы разговаривали с людьми, объясняли постановление партии. Ну а если бы укрупнения не было, села бы жили до сих пор. Были люди, которые не хотели уезжать»

Однако среди старожилых исчезнувших сел мы не встречали людей, которые бы одобрили эту политику. Горечь и обида. Вот как рассказывал житель с. Быково И. Н. Зазвонов: «Дома были большие и круглые, три двухэтажных дома: Сметанкинский, Федоровский, рядом через реку Касмалу было с. Россырка—богатые люди жили и дома были большие. Эти дома сейчас в Нагорное перевезены, клуб сделали, контору. Остальные, самые лучшие дома люди сами перевезли. Колхоз не помогал. Разъезжать стали в 50-е. А поехали потому, что фер-

мы ликвидировали—перенесли на гору, а контору в Нагорное Школу закрыли, перевезли в Чернопятово (сейчас в ней Сельсовет). Думали, что все из Быково в Нагорное переедут. А как людям дом перевезти? Нужен новый лес. Колхоз дома не могал переносить, леса не выпросишь. Если бы помогал, то все бы сюда перетасились. И колхоз не стал народ держать. Едут, ни и пусть едут. Кто в город уехал, кто куда.»

Большую личную трагедию несет рассказ А. С. Косачевой—Ковыршиной, дочери красного партизана (с. Касмала): «Когда стали заставлять из Петровки наш дом перевозить в Чернопятово, мне не хотелось. Сын тоже не захотел в Чернопятово, в город уехал. А мы с мужем в Касмалу вернулись (оттуда родом родители). Взяли колхозный дом, отремонтировали. Тут приехали председатели колхоза и сельсовета: отдай дом для нового счетовода. А я вечером в передней угол повесила портрет Ленина и когда председатели снова пришли, на им говорю: «А вот вы сначала его вынесете!» И показываю на Ленина. «Остальное я сама вынесу». Они опешили. Как так? Я им: «Он нам не такую жизнь обещал!» Долго нас не отпустили. мучили. Потом мы решили написать главному по сельскому хозяйству в Москве (Полянскому). Письмо аж в Новосибирске спустили. Нашу жалобу переслали сюда. И все, оставили нас.»

Метко оценили эти события К. М. Пахорукова: «Обещали все будет, все сделаем, как в городе. Работу отобрали. Хрущев скот забрал. Хотел, чтоб все в магазин ходили. А все тронулись из сел». Практический опыт реформирования сел в Павловском районе показал, что нельзя допускать административного развития в них общественного обслуживания и самоликвидации малых сел. Необходима поддержка населения, проживающего в периферийных пунктах.

Историко-этнографическая экспедиция сделала только срез исторической проблемы. Большие результаты дала бы собирательная работа в школах района по созданию школьных архивов как по истории исчезнувших сел, так и существующих. Работу нужно поставить серьезно и не ограничиваться только письменным анкетированием или интервьюированием очевидцев событий. Можно создать фотоархив с видами сел, их географическими и историческими достопримечательностями а также старожилов села, фирмировать фонд магнитофонных записей, собирать документы, вещи, материалы, которые могут стать экспонатами музеев исчезнувших и существующих

сел. Школьники могут организовать встречи бывших односельчан на месте деревни, проводить походы по местам жизнедеятельности старшего поколения, привести в порядок оставшиеся кладбища, установить связи с теми односельчанами, которые уехали за пределы района, края, установить памятные знаки на месте заброшенной деревни или на центральной усадьбе.

С. МАКАРОВ

ИСТОРИЯ СТАРЕЙШИХ СЕЛ ПАВЛОВСКОГО РАЙОНА КОЛЫВАНСКОЕ И РОГОЗИХА В ОЦЕНКЕ СТАРОЖИЛОВ

Наша группа, в составе Недошивки, Макова и Макарова, собирала материал в Колыванском и Рогозинском сельских советах. Особый интерес представляла работа в селе Колыванское и Рогозихе. Эти села были основаны еще в XVIII веке старообрядцами. Их история представляет живую страницу в освоении Западной Сибири русскими людьми. Сейчас трудно найти материал относящийся к XVIII веку. Людская память его просто не донесла. В результатах процессов последних 70 лет почти не осталось потомков тех, кто первыми пришли в здешние места. Как показало наше обследование, в деревнях проживают десятки старожилов первого десятилетия XX века и даже 90-х годов XIX века (например, Е. А. Наклюдова 1894 г. рождения, жительница с. Колыванское). В Колыванском таких людей много. Их память хранит события, которые охватывают период со второй половины XIX века. По рассказам их родителей о переезде в Сибирь прослеживается направление переселенцев. В Колыванское (до 1922—Вошкино) и Рогозиху шел поток переселенцев из Ижевского уезда Тамбовской губернии, из-под Рязани, Курска, Воронежа.

Интерес представляют события, оставившие наиболее яркий след в памяти и сознании людей. Те кто захватил дореволюционные годы уделяют им значительное место. Событие революции 1917 г. практически прошли мимо деревни. Сама мысль о свержении существующего строя и царя-батюшки, по воспоминанию О. С. Комаровой (с. Колыванское), воспринималась как абсурд. Когда ее брат вернулся в 1918 г. с 1 мировой войны и сообщил, что Николая II свергли—в деревне все смеялись. События 20-х годов тоже мало нарушили размеренное течение сельской жизни. Даже создание коммун не поколебало сознание крестьян. Потрясения начались позже—с коллек-